

Получив дозволение уйти, Шуанчэн бросил на дядюшку презрительный взгляд и вразвалочку направился к выходу. Однако у самого поворота он резко вильнул в сторону, притаился за дверью и припал ухом к косяку, надеясь услышать, как именно этот старый лис станет жаловаться Е Чжэню.

Из-за двери донёлся голос дядюшки Е Бина:

— Достойный племянник, не стану ходить вокруг да около. Все эти годы Шуанчэн жил у нас в холе и неге, ни в чём не знал отказа, и никто слова худого ему сказать не смел. Но ты и сам видишь — характер у мальчишки тот ещё, с другими детьми не сравнить. Я же... ох... у меня просто руки опускаются, не под силу мне его обуздать. Надеюсь на твое понимание, племянник.

Слушая это, Шуанчэн презрительно скривился и тихонько сплюнул. Он прижался к косяку ещё плотнее.

Раздался невозмутимый, ровный голос Е Чжэня:

— Не стоит так корить себя, дядюшка. Нрав Шуанчэна мне прекрасно известен. Я благодарен вам за заботу, которую вы проявляли к нему все эти годы.

Е Чжэнь выдержал паузу. Шуанчэн осторожно высунулся из-за угла и увидел, как слуги вносят в комнату тяжелый окованный сундук. Не успел юноша сообразить, что к чему, как изнутри донёлся восторженный возглас дядюшки:

— Ах, племянник, ну к чему такие церемонии! Мы ведь одна семья, помогать друг другу — наш долг. Вы с братом рано лишились родителей, кому же ещё о вас позаботиться, как не нам, старшим? Уж будь покоен, дядюшка и впредь приглядит за Шуанчэном, а ты можешь со спокойной душой возвращаться в столицу. Мальчишка, конечно, шалопай и неуч, но в глубине души он славный малый.

«Ишь как запел, старый хрыч», — мысленно усмехнулся Шуанчэн. Ему всё стало ясно. Видимо, прежней тысячи лянов серебра в год дядюшке уже не хватало. Но до чего же богат его старший брат! Неужели в сундуке было чистое золото и серебро? И зачем отдавать такое богатство чужим людям? Уж лучше бы ему отдал!

Шуанчэн досадно поджал губы, но тут же затаил дыхание. Сердце его взволнованно застучало. Вспомнив все свои художества в Биньчжоу за последние годы, он внезапно испугался: что же ответит Е Чжэнь?

— На самом деле, я приехал, чтобы забрать Шуанчэна с собой в столицу, — Е Чжэнь перевёл

взгляд на сундук, доверху набитый мелкими серебряными слитками. — Это лишь скромная благодарность за ваши труды. Каким бы своенравным и избалованным ни вырос мой брат, теперь его воспитанием займусь я сам. Больше вам беспокоиться не о чем.

Дальше слушать Шуанчэн не стал. На душе у него сделалось паршиво и тревожно.

Он прекрасно знал крутой нрав старшего брата. В столице ему точно не поздоровится — порка и нотации станут его верными спутниками.

Но с другой стороны, Е Чжэнь — его родная кровь. Что бы Шуанчэн ни натворил, брат ведь не сможет злиться вечно?

Шуанчэн задумчиво потер подбородок. С одной стороны, внезапное появление старшего брата казалось ему подозрительным, с другой — в нём вновь всколыхнулась старая детская обида. Разве это справедливо? Стоило родителям умереть, как старший брат тут же бросил его в этой глуши и уехал!

При этой мысли в груди Шуанчэна вспыхнуло глухое раздражение. Позабыв о недавних проделках в школе, он решительно направился к своему двору, намереваясь выказать Е Чжэню всё своё презрение при первой же встрече.

Но по дороге, как назло, ему повстречался кузен Ци — старший сын дядюшки.

Шуанчэн и без того был взвинчен, так что общаться с кузеном не имел никакого желания. Обычно трусливый Е Ци держался от него подальше, но сегодня его словно бесы попутали полезть на рожон.

— Ой, поглядите-ка, кто это у нас! Не сам ли молодой господин Шуанчэн? — Е Ци ядовито ухмыльнулся. — Чего физиономию скривил? Я тут краем уха слышал, ты сегодня опять в школе набедокурил?

Видя, что Шуанчэн игнорирует его, кузен преградил ему дорогу:

— Да постой ты, не убегай! Говорят, твой грозный братец из самой столицы нагрянул и застукал тебя прямо на месте преступления? Наконец-то нашлась на тебя управа, а, Е Шуанчэн? Ха-ха-ха!

Шуанчэн так и вспыхнул от злости. Ему безумно захотелось заехать кузену в ухо, но в последний момент он сдержался, вспомнив, что старший брат всё ещё в поместье и лишние неприятности ему сейчас ни к чему.

Заметив это несвойственное Шуанчэну колебание, Е Ци обнаглел окончательно. Он с силой толкнул кузена в плечо:

— Что, Е Шуанчэн, прикусил язык? Неужто испугался? Вот приедешь в столицу, твой братец тебя живо на Весеннюю скамью уложит да розгами проучит!

Шуанчэн нахмурился и смерил кузена уничтожающим взглядом.

— Слышь, а тебя колышет, как ко мне брат относится? На себя посмотри, хвост прижал, а туда же — других судить. Похоже, я раньше слишком мягко с тобой обходился, раз ты теперь смеешь вякать в моем присутствии?

Покраснев от ярости, Е Ци снова бросился на него с кулаками:

— Выродок невоспитанный! Безродный ублюдок!

Шуанчэн легко уклонился от толчка. В его глазах вспыхнул опасный огонек, челюсти сжались до скрежета.

— А ну повтори, шкура, если смелости хватит, — процедил он сквозь зубы.

Е Ци струсил. Он невольно попятился, его запал мгновенно испарился:

— Да ты... ты и есть выродок без... А-а-а!

Он не успел договорить — оступился и с громким плеском рухнул спиной прямо в пруд с лотосами. Плавать Е Ци не умел, поэтому сразу же начал отчаянно барахтаться, поднимая тучи брызг:

— Спасите! Помогите! Е Шуанчэн убивает! Убийца-а-а!

Шуанчэн со скучающим видом наблюдал за этой картиной. Боковым зрением он заметил бегущих к пруду слуг. Быстро прикинув шансы, он стиснул зубы и с разбегу прыгнул в воду следом за кузеном.

Е Ци, отчаянно боровшийся за жизнь, на секунду ошеломился от такой наглости. Поняв замысел противника, он в ярости отплюнулся от грязной воды:

— Тьфу! Какая же ты тварь бесстыжая!

Шум у пруда поднялся невообразимый. На крики сбежалась толпа слуг и служанок. Несколько крепких парней без раздумий бросились в воду вытаскивать господ, а одна сметливая девчушка со всех ног помчалась в главный зал звать Е Бина.

Шуанчэн и сам плавал как топор, но, испугавшись, что кузен действительно захлебнется и его обвинят в убийстве, из последних сил подталкивал того к поверхности. К тому моменту, когда их обоих выволокли на берег, юноша успел прилично нахлебаться вонючей тины. Его мутило, горло нещадно жгло, но, заметив спешащих к ним Е Чжэня и дядюшку Е, он немедленно закатил глаза и картинно обмяк на траве.

— Ох, сыночек мой! Живой ли?! Что с тобой? — дрожащим голосом запричитал подбежавший дядюшка Е, ощупывая мокрого Е Ци.

Е Ци, отплевываясь водой вперемешку с соплями и слезами, завыл навзрыд:

— Отец! Вы едва не лишились единственного сына! Этот негодяй Е Шуанчэн хотел меня утопить! Это он меня в пруд толкнул!

Окружающие притихли, переглядываясь. Все невольно посмотрели на неподвижно лежащего Шуанчэна, но на лицах слуг читалось явное сомнение.

Один — бодрый, хоть и мокрый, вовсю сыплет обвинениями, а второй лежит без чувств. Что-то не больно походило на то, что Шуанчэн устроил это покушение.

Е Чжэнь сразу раскусил притворство брата. Он опустился на одно колено и, нахмурившись, несильно похлопал юношу по бледной щеке:

— Шуанчэн. Шуанчэн, очнись.

Ресницы Шуанчэна едва заметно дрогнули.

От пронизательного взгляда Е Чжэня это движение не укрылось. Он мысленно вздохнул, сразу поняв, в чём дело. Терпение старшего брата лопалось, но устраивать сцену при челяди было не с руки. Убедившись, что Е Ци тоже цел и невредим, Е Чжэнь поднялся на ноги. Он бросил на притворяющегося Шуанчэна суровый взгляд, мысленно сделав в памяти очередную зарубку. Эту пакость он ему ещё припомнит.

Дядюшка Е не находил себе места от страха. Сейчас было неважно, кто кого толкнул. Если с Шуанчэном случится беда прямо на глазах у Е Чжэня, то прощай обещанное серебро, да и гнева влиятельного племянника не миновать.

— Быстрее! — закричал он во весь голос. — Лекаря сюда, живо!

Поняв, что пора завязывать со спектаклем, Шуанчэн слабо застонал и нехотя приоткрыл веки. Секунду спустя он с ревом бросился Е Чжэню на шею:

— Брат! Братец! Я думал, мы больше никогда не увидимся!

Дядюшка Е с облегчением перевёл дух. Увидев, что Шуанчэн пришёл в себя, он осторожно спросил:

— Шуанчэн, племянник... Неужто ты и правда толкнул своего кузена в воду?

Шуанчэн тут же отпрянул от брата и возмущённо выпрямился:

— Наговоры! Он сам оступился, а меня за собой утянуть попытался!

Присутствующие снова уставились на Е Ци. Всем сразу показалось, что перепуганный до смерти кузен с перепугу перепутал право и лево и теперь просто валит с больной головы на здоровую. Толпа слуг беззвучно попятилась назад, подальше от греха.

Почувствовав на себе недоверчивые взгляды, Е Ци окончательно занервничал:

— Да не вру я! Это он меня толкнул! Не верьте ему, он лжёт!

Он повернулся к Шуанчэну и брызнул слюной:

— Е Шуанчэн, ублюдок паршивый! Напакостить ума хватило, а признаться кишка тонка?! Тоже мне, мужчина! Тьфу! Выродок без...

Договорить он не успел. Лицо Е Чжэня потемнело. Одного его ледяного, пронизывающего взгляда хватило, чтобы Е Ци подавился собственными словами и испуганно замолк.

Дядюшка Е побелел от ужаса. Развернувшись, он отвесил сыну звонкую оплеуху:

— Мерзавец! Закрой пасть! Ещё хоть слово вякнешь — я тебе ноги переломаяю! — после чего заискивающе повернулся к Е Чжэню: — Достойный племянник, не гневайся... Мальчишка глуп, молод ещё, мелет сам не знает что!

Е Чжэнь промолчал, продолжая буравить Е Ци тяжелым, давящим взглядом. От этой удушающей, почти осязаемой ауры кузен окончательно потерял самообладание. Не выдержав страха, он закатил глаза и рухнул без чувств на руки слуг.

— Ох! Быстрее, лекаря! Лекаря зовите! — вновь заголосили вокруг.

Е Чжэнь равнодушно отвёл взор. Глядя на царящую вокруг суматоху, он не проронил ни слова. Как-никак, семья дядюшки Е заботилась о Шуанчэне целых десять лет. Каковы бы ни были их

МОТИВЫ, ЭТОТ ДОЛГ СЛЕДОВАЛО УВАЖАТЬ.

<http://bllate.org/book/18190/1746587>